КОЛОЖСКИЙ БЛАГОВЕСТ

специальный выпуск журнала «Поколение»

Станем же флейтой, станем кифарой Святого Духа... Подготовим себя для Него, как настраивают музыкальные инструменты. Пусть Он коснётся плектром наших душ! Звучите согласным напевом, на радость не только людям, но и силам небесным!

Святитель Иоанн Златоуст

ВСЁ, ЧТО ЕСТЬ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

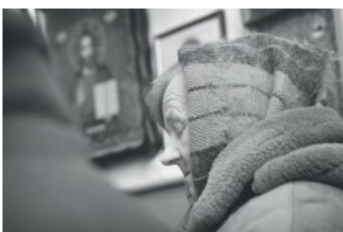

ПОВОД ВСТРЕТИТЬСЯ С БОГОМ

Для спасения нашей жизни Бог приходит к нам с вами. Он ждёт, чтобы мы тоже вышли навстречу. Всё священное Писание говорит о том, что эта встреча возможна уже здесь на земле. И, конечно же, встреча с Богом начинается в молитве. У святых отцов есть изречение о том, что церковные песнопения – это как бы генетическая память, которая осталась у людей от пребывания в раю.

Наш фестиваль тоже служит этой цели – помочь нам встретиться с Богом и друг с другом. Мы из года в год принимаем разные коллективы, мы знакомимся с различными национальными традициями, но всех их объединяет одно – вера. Никакая идеологическая, политическая структура не в состоянии объединить людей так, как объединяет их вера во Христа. И вот такое единство мы надеемся почувствовать во время фестиваля.

Уже на протяжении многих лет мы называем «Коложский благовест» духовной весной. И это не только потому, что проводим его перед началом Великого поста, который все жители нашей страны воспринимают как весну и как своеобразное духовное возрождение.Это весна, потому что различные песнопения являются самой настоящей молитвой и прямым обращением человека к Богу, которое просто невозможно объяснить человеческим языком, однако можно прекрасно воспеть в музыке. Молитва – это очень глубокая духовность, в которой находится главный смысл богослужения. Поэтому на каждом слушателе и участнике фестиваля обязательно остается отпечаток духовности.

Высокопреосвященнейший Артемий, архиепископ Гродненский и Волковысский

фото Юрия Деглау

Если мы говорим о том, что нужно делать ремонты в храмах, обновлять иконы и роспись, почему же музыкальная часть должна оставаться без внимания?

Протоиерей Андрей Бондаренко.
Председатель жюри фестиваля православных песнопений «Коложский Благовест».

Александр Шурский

КАК КОНСЕРВАТОРИЯ ВОСПИТАЛА СВЯЩЕННИКОВ

Протоиерей Андрей Бондаренко о жизни, музыке и духовных поисках.

Священник Андрей Бондаренко. Клирик Свято-Покровского кафедрального собора в Гродно. Духовник Гродненской епархии. Председатель жюри фестиваля православных песнопений «Коложский Благовест».

– Отец Андрей, расскажите, пожалуйста, о том, где прошло ваше детство. Кем были ваши родители?

– Отец закончил Историко-Архивный институт в Москве и уехал работать в Вильнюс. Там он познакомился с моей матерью. Они жили в Вильнюсе до 1956 года, но потом отправились на Кавказ. Моё раннее детство прошло в Чечне, в городе Грозном, – на родине отца. Там я и крещение принял в младенчестве благодаря моей воцерковлённой бабушке.

В 6 лет я поступил в музыкальную школу в Грозном, но в 1964-м отец перевёлся в Гродненский пединститут, потом в университет, где работал преподавателем. Наверное, он сделал это для того, чтобы мы смогли жить поближе к родственникам мамы.

Я тоже перевёлся в местную музыкальную школу. Окончив 8 классов, поступил в Гродненское музыкальное училище на отделение фортепиано. Одновременно с этим начал заниматься сочинением музыки.

Отец каждый год ездил на Кавказ вместе со мной. Ездили через Москву, поэтому могли встречаться с известными людьми из мира музыки. Отец «потащил» меня с моими юношескими сочинениями в Союз Композиторов. Мне было, кажется, 16 или 17... В Союзе Композиторов мне дали консультанта, которым очень удачно оказался Николай Николаевич Полынский – хороший, чуткий музыкант. Я показал свои сочинения, и Полынский предложил приезжать к нему на консультации, причём совершенно безвозмездно. В Гродно, в общем-то, некому было показывать такую музыку. В результате благодаря моей «московской школе» за время учёбы мы написали много сочинений. В первый год появилось около сотни фортепианных пьес, конечно, ещё сыроватых, юношеских. Мастерство надо отшлифовать, на это должны уйти годы, но тем не менее какой-то багаж у меня уже был.

Потом я поступил в Белорусскую государственную консерваторию, в класс композиции к профессору Дмитрию Брониславовичу Смольскому, учился у него 5 лет. Там сложился наш своеобразный философский кружок: я, отец Александр Шашков и отец Александр Чендарок. Мы уже были знакомы с нашим владыкой Артемием (тогда протоиереем Александром). Как творческие люди мы находились в поиске духовного фундамента.

Во время одной из поездок в Москву я познакомился с отцом Дмитрием Дудко. По его благословению в столице проводился небольшой религиозно-философский семинар. Учитывая обстановку в 70-е годы в советском обществе, семинар приходилось проводить в бывшей конюшне, которая была переоборудована под сторожку туберкулёзного диспансера. Александр Городников работал там дворником и вместе с тем организовывал семинар. Иногда, конечно, и на квартиры нас приглашали, но это всё было хорошо законспирировано. Для того, чтобы поучаствовать в семинаре, приезжали люди со всего Союза и делали доклады на основе взглядов русских религиозных философов. Обсуждали «Вехи», интересовались Лосским, Бердяевым, Булкаговым, Франком.

К тому моменту у меня уже появились представления о христианстве. Мы и в храме бывали – ездили к отцу Дмитрию в подмосковное Фрязево.

Пока учился в Минске, нашим «консерваторским кружком» ездили в Логойск, где служил отец Владимир Башкиров. Консерватория находится на одной площади со Свято-Духовым кафедральным собором, но беспрепятственно зайти в храм было практически невозможно – за преподавателями и студентами постоянно следили. Поэтому мы на рожон не лезли, а в Логойске уже и читали, и пели, и помолиться можно было спокойно.

– В какой момент вы поняли, что хотите сочинять музыку? Помните, когда что-то написали впервые?

– Впервые, должно быть, лет в 6. Ну как написал? Конечно, тогда я ещё ничего не записывал, но уже играл. Серьёзная тяга к сочинению музыки открылась уже в музыкальном училище. Я жил в десяти минутах ходьбы от него и к пяти утра приходил в класс. До восьми занимался на фортепиано тем, что задавали по программе. Всё остальное время дома я только сочинял. Такой распорядок дня у меня был и в консерватории.

В то время многие известные композиторы давали концерты в Гродно. Наверное, для них наш город был своего рода окном в Европу. Петербургский композитор Игорь Комаров был в их числе. Однажды он провёл со мной урок и заверил, что с игрой на фортепиано всё получится, но спросил: «Зачем тебе быть композитором? Композиторов сейчас сколько хочешь!» *(смеётся)* Я даже внутренне возмутился и уверенно принял решение, что основным делом моей жизни будет именно сочинение музыки.

– А как профессор Дмитрий Брониславович Смольский повлиял на ваше творчество?

– Он высокий профессионал, мастер, вдумчивый педагог, который к каждому имел свой подход. У меня была тяга к образам, связанным с древнерусской историей и церковью. В библиотеке моего отца были издания под редакцией Лихачёва. Фактически это памятники истории, в них много образности, которую я старался воплощать в музыке. Одно из моих выпускных сочинений – кантата для солистов большого хора и оркестра «Повесть о разорении Рязани Батыем». Тогда я уже особенно не боялся отражать что-то подобное в произведениях. Наш религиозно-философский семинар к тому времени раскрыли, за многими его участниками следило КГБ, некоторых даже арестовали. В консерваторию, конечно, тоже было доложено, но ничего не менялось, и я уже открыто писал то, что считал нужным. Из органов однажды даже к Смольскому приходили, спрашивали про меня, но я уже служил в армии.

Наше общение со Смольским не сводилось только к профессии. Были ещё совместные духовные поиски. Однажды я дал ему книгу отца Дмитрия Дудко. Помню ещё, что Дмитрий Брониславович ей восторгался. И в храм логойский я его возил. Дмитрий Брониславович тоже приобщился к культуре, которой было лишено его поколение.

– Спустя четыре года после окончания консерватории вы становитесь членом Союза композиторов Беларуси. Как это произошло и что означало для вас?

– Во-первых, это признание твоих способностей, потому что раньше вступить туда было очень тяжело. Вот со мной в 85-м году вступал Владимир Мулявин, и его не приняли, потому что у него не было классических сочинений. Приняли только на следующий год. Союз композиторов поддерживало и хорошо финансировало государство. Игорь Михайлович Лученок даже перечислил в Гродно

Протоиерей Андрей Бондаренко

20 тысяч рублей от Союза, чтобы мне дали квартиру. Помогали с продажей сочинений, обеспечивали участие в концертах. Были пленумы, съезды. Союз композиторов оплачивал всё, заключал договоры с оркестром, филармонией, радио. По сравнению с сегодняшним днём помощь была колоссальной. Ты уже не сам по себе творишь, в тишине и тайно, как Сальери, но имеешь возможность показывать себя и свою музыку.

– Как вам удавалось совмещать преподавание с творчеством и семейной жизнью? Как встретились с будущей супругой?

– Мы встретились в музыкальном училище. Матушка моя училась тогда на теоретическом отделении, а я на фортепиано. Единение какое-то было между нами, поддерживали друг друга. В 74-м мы поженились.

Ну а что касалось времени, то старался всегда хорошо продумывать расписание. Это я от Смольского перенял. Он утром работал, а во второй половине дня шёл преподавать. Мне тоже удавалось так делать. Да и нагрузки, по-моему, было не слишком много: занимался в основном сочинением и преподавал инструментовку. Другие педагоги с утра до вечера сидели в училище, а я до обеда оставлял время свободным.

Так продолжалось до тех пор, пока в 92-м году не родилась идея создать оркестр в Гродно. Тогда уже проявились хорошие плоды перестройки, но и разруха никуда не исчезла. Гастролирующие музыканты уже не приезжали в Гродно, но нам хотелось сохранить статус «музыкального города», создав камерный оркестр, в котором играли бы местные музыканты. Как член Союза композиторов я всё это пробивал, устраивал. К тому времени я уже получил государственную премию за оперу – козырь появился. Нам удалось создать «Гродненскую капеллу». К оркестру добавили хор, а потом и ансамбль солистов.

– Давайте поговорим об опере «Князь Наваградскі», благодаря которой вы стали лауреатом государственной премии. Как родилась идея создания этого произведения?

– Идея вот как родилась.

В 1988 году праздновалось тысячелетие крещения Руси, и владыка Филарет обратился ко мне с просьбою написать произведение

к юбилею. Я согласился, и в результате на сцене оперного театра прозвучала моя «Похвала великому князю Владимиру Святославовичу» для солистов и двух хоров. Я использовал оригинальный текст, который отыскал в отцовских хрестоматиях: «Слово о законе и благодати» святого Илариона, Митрополита Киевского. Произведение привлекло внимание Министерства культуры. Там и решили создать оперу на тему истории ВКЛ, кроме того, церковная тематика тоже должна была прослеживаться.

Неожиданно мне позвонили из Министерства и предложили заняться работой над оперой. Я прочёл либретто Ольги Ипатовой по пьесе Леонида Прокопчика и согласился. Начал встречаться с режиссёром Семёном Александровичем Штейном. Ездил в Минск, сцены возил, там уже и художник появился, и балет. Словом, оперная машина завертелась.

Поставили в 1992 году. В опере было очень много символики, связанной с «Погоней». На сцене постоянно присутствовал герб, поэтому когда такая символика в государстве была отменена, спектакль закрыли.

– Итак, в 1994-м вы – лауреат государственной премии, а уже через год Митрополит Филарет совершает вашу хиротонию во диаконы. Когда вы осознали желание послужить Церкви в сане священника?

– После приезда в Гродно я помогал при Владимирском храме и в Коложе. В соборе пел, одновременно преподавал. Но меня всегда не очень привлекала педагогика, да и административная работа с «Гродненской капеллой» – тоже не совсем моё. Мне хотелось молитвенного созерцания духовности, таинственного общения с духовным миром, с Богом. Отец Анатолий Неробов, заметив это, предложил подумать о священстве. Со временем всё как-то само собой сложилось. Тут и диакон Александр Чендарок стал священником, Александр Шашков – диаконом. Наш «консерваторский кружок» потихоньку начинал служить Церкви уже в сане. В то время Митрополит Филарет (Вахромеев) был по совместительству управляющим Гродненской епархией, и вот в декабре он и рукоположил меня во диаконы.

– Тогда уже осознавали, что диаконство – это промежуточный этап и вы хотите быть священником?

– Да. К тому же меня направили на служение в Коложу, а там нужен был второй священник. Через год владыка Артемий рукоположил меня в сан иерея.

– Многие говорят, что в слове «искусство» есть корень «искус». Как вам удаётся совмещать творчество и священническое служение? Нет ли здесь противоречий?

– Это вполне органично сочетается. Вся моя музыка связана с духовными переживаниями, осмыслением евангельских образов или житий святых. Кроме того, я написал очень много музыки на священные тексты. Думаю, это творчество даже связано с молитвой. Я принципиально не писал ничего специально для богослужений – мои образы предназначены для концертного исполнения.

Могу сравнить такой подход к работе с живописью Нестерова: он, конечно, и храмы расписывал, но сколько чудных картин о православии, о древней Руси принадлежит его кисти! А возьмём Крамского или Врубеля...

Моя музыка так или иначе связана с переосмыслением Литургии, это образ Литургии в оркестре. Истоки такого творчества всё равно в вере. Поэтому проблем никогда не было. Да я и не писал ничего сугубо светского, развлекательного. У меня даже песен нет.

– Знаю, что вы и у истоков «Каложского благовеста» стояли, принимали участие в его организации...

– Отец Анатолий Ненартович, Владимир Сергеевич Лебецкий и я.

– В положении фестиваля указано, что его цель – сохранить развитие певческой православной культуры, повысить исполнительский уровень песнопений в приходских и светских коллективах. Как вы считаете, выполняются ли поставленные цели?

– Конечно! Вот смотрите: во время гонений на Церковь у нас в Гродно было два храма: Свято-Покровский Собор и Владимирская церковь. Ну какие певчие? Здесь по сути дела всё нужно было начинать с начала. Раньше приходили петь те люди, которым это нравилось, которых наша образность привлекала. Не все воцерковлённые, большинство – профессионалы из музыкально-педагогического училища.

Сейчас ситуация изменилась. Каждый год мы ездим по благочиниям, проводим отборочные туры. Когда я говорю «отборочные туры», не нужно думать, что наша цель заключается только в том, чтобы выбрать участников заключительного концерта. Это ещё и своеобразный способ оценить состояние приходских хоров в епархии. Я пишу ежегодный отчет архиерею о том, что там происходит, кто серьёзно работает, кто не очень. Это всё-таки богослужения касается. Если мы говорим о том, что нужно делать ремонты в храмах, обновлять иконы и роспись, почему же музыкальная часть должна оставаться без внимания?

В Свято-Покровском кафедральном соборе

Церковная музыка – это то, что самым мощным образом воздействует на человека, который впервые оказывается в храме. Многие люди приходят к Богу, услышав красоту песнопений.

Фестиваль «Коложский благовест» родился благодаря людям, когда-то открывшим для себя пласт церковной музыкальной культуры, которая была неведома для советского общества. Сегодня церковная музыка – это по-прежнему открытие для нас. Открытие, которым мы очень дорожим и которое любим.

Протоиерей Анатолий Ненартович.
Председатель оргкомитета фестиваля
«Коложский Благовест»,
секретарь Гродненской епархии.

протоиерей Анатолий Ненартович

КОЛОЖСКИЙ БЛАГОВЕСТ.

«Взглянуть в истоки духовности»

Свято-Борисо-Глебская (Коложская) церковь… Для каждого жителя Беларуси Коложа – уникальный памятник XII века, который служит примером преемственности и сохранения глубоких традиций. Её многовековые стены стали свидетелями величайших исторических событий, расцветов и трагедий Православия. Отсвет именно этого символа Гродненщины положен в основу названия Международного фестиваля православных песнопений «Коложский Благовест», который вот уже в 15-й раз пройдет в феврале 2016 г. в городе над Неманом.

Идея проведения фестиваля православных песнопений не нова. Первый фестиваль, который объединил любителей православного пения, ещё в далёком 1982 г. прошёл в Польше, в небольшом городе Хайнувка Подляского воеводства. Сегодня этот певческий форум известен православному миру под названием «Хайнувские Дни Церковной Музыки». Начинался он сложно, в фестивале участвовали в основном епархиальные деревенские церковные хоры[1]. Однако благодаря усилиям священника и регента (ныне настоятеля и директора фестиваля) храма в честь Святой Троицы протоиерея Михаила Негеревича и директора местного Дома культуры Николая Бушко, фестиваль приобрёл широкую известность не только в Польше, но и за рубежом. За двадцать лет существования фестиваля на нём выступили более 500 коллективов из 28 стран[4]. В нынешнем году фестивалю исполнилось 33 года, он включён в категорию самых значимых музыкально-культурных проектов Польши и проходит под патронажем Президента страны.

Подчеркнём, что Хайнувский фестиваль стал первым фестивалем, который не только объединил исполнителей разных стран на основе певческих традиций Православной Церкви, но и заложил основы всех последующих подобных форумов; именно здесь сформировались цели и задачи их проведения.

Обертоны Хайнувского фестиваля слышны и на нашей земле. По благословению Высокопреосвященнейшего Филарета, Митрополита Минского и Слуцкого, первый певческий фестиваль в Беларуси провели в Минске в 1989 г. Инициатором и директором фестиваля стала Лариса Александровна Густова. Можно сказать, что именно харизматичность и настойчивость одного человека смогли преодолеть многие объективные препятствия, и Минский фестиваль православных песнопений начал жить. Всю неделю проходили вечера духовной поэзии, показ видеофильмов на православную тематику, выставки народно-прикладного искусства, фотовыставки. «Фестиваль превращается в подлинный праздник Православия на белорусской земле», – делилась своими впечатлениями Лариса Густова[3].

Однако по ряду причин фестиваль пока прекратил своё существование. Но во многом послужил примером для подобных форумов, которые стали проводиться в других областях и епархиях нашей страны. Упомянём фестивали Новогрудской, Гомельской,

Конкурсное прослушивание в Свято-Покровском кафедральном соборе

Брестской епархий, а также престижный Международный фестиваль христианской духовной музыки «Магутны Божа» в Могилёве. Безусловно, в этой палитре выделяется фестиваль «Коложский Благовест», проводимый в Гродненской епархии.

Известно, что Гродненщина имеет богатые церковно-певческие традиции. В конце XIX – начале XX века все возрожденческие тенденции в регионе, связанные с целью подъёма профессионального уровня приходских коллективов, резонировали с общим процессом расцвета православной певческой культуры на территории Русской Православной Церкви и культивирования принципов Новой церковной музыки. Достаточно упомянуть, что в Гродно была сформирована развитая система певческого образования в учебных заведениях разного типа[5;6]; знаменательным событием года становились регентские курсы под управлением видного деятеля культуры Гродненской губернии, регента 1-го разряда Н.С. Буйлова[2]. Поэтому после возрождения Гродненской епархии сохранение традиций церковно-певческой культуры не могло остаться в тени.

Так, по благословению Преосвященнейшего Артемия, епископа Гродненского и Волковысского, в связи с 10-летием возрождения епархии в 2002 г. в Гродно состоялся первый фестиваль православных песнопений. Он задумывался как форум именно приходских коллективов с целью духовного единения и взаимопонимания, популяризации духовного наследия и современного творчества в области православной певческой культуры.

Согласно Положению, фестиваль ежегодно проводится в два тура. Первый, отборочный, обязательный к участию всех приходских хоров епархии. Своего рода мини-фестивали проходят по благочиниям в период рождественских святок. По результатам даются рекомендации регентам и настоятелям, а лучшие хоры получают возможность принять участие в заключительном туре – Международном фестивале.

Конечно, международным фестиваль стал далеко не сразу. Первые годы однодневный фестиваль назывался Фестивалем Гродненской епархии, затем – Областным, после – Областным открытым и проходил в Городском Доме культуры. Со временем при поддержке Управления культуры Гродненского облисполкома Торжественное открытие и Гала-концерт участников стали проводиться в Областном драматическом театре, что подчеркнуло высокий статус уникального события культурной жизни города и области. В 2008 г. фестиваль получил своё узнаваемое и во многом символическое название «Коложский Благовест», а в 2009 г. Постановлением Совета министров Республики Беларусь он был включён в реестр международных фестивалей. Конечно, по сути международным фестиваль стал задолго до официального признания. Уже на III фестивале выступали хоры из соседней Польши, а на VI к числу стран-участниц присоединились Россия и Латвия. Далее география фестиваля только расширялась. Сегодня в число стран, в которых звучат отголоски «Коложского Благовеста», входят ещё и Литва, Украина, Сербия, Армения, Греция, Румыния, Франция, Молдова, Грузия.

С 2012 г. фестиваль обрёл постоянное место для конкурсных прослушиваний – Свято-Покровский кафедральный собор. Без преувеличения можно сказать, что на время проведения фестиваля этот великолепный по красоте и удобный в акустическом плане храм-памятник становится культурным центром города.

Неизменным остаётся время проведения – это февральские дни подготовительных седмиц Великого поста. В приветственном слове на церемонии открытия XIV фестиваля владыка Артемий отметил: «Фестиваль начинается с Рождества Христова. Христос пришёл в мир! И во всех наших приходах, районах хоры свидетельствуют об этом. А заканчивается фестиваль во дни праздника Сретения. А сретение, как мы знаем, это встреча. И вот такой встречей Бога и человека становится наш фестиваль».

Сегодня «Коложский Благовест» приобрёл широкий масштаб и вышел за рамки только певческого форума. Фестивалю сопутствуют различные мероприятия, которые проводятся целую неделю. Это и вечерние концерты, и вечер духовной поэзии и ав-

торской песни, и видеолектории, художественные и фотовыставки, различные презентации, ярмарки. Например, широкий резонанс получила выставка рисунков учащихся лицея № 1 г. Гродно «Страчаная спадчына».

Менялся формат проведения фестиваля, его название, но коренным образом не менялась главная цель – сохранение в епархии певческой традиции через вовлечение священнослужителей, певчих и прихожан храмов в фестивальное движение. За всем этим стояла горячая вера и большая организационная работа группы радетелей церковного пения.

Директором и художественным руководителем фестиваля стал преподаватель Гродненского государственного музыкального колледжа Владимир Сергеевич Лебецкий. Заботы председателя организационного комитета были возложены на секретаря епархии, протоиерея Анатолия Ненартовича. Именно эти люди перенимали опыт проведения форума у организаторов Хайнувского фестиваля, выезжали на приходы епархии и прослушивали коллективы, занимались всей организационной работой, много сделали для популяризации фестиваля, задали основные импульсы для его развития.

Председателем жюри был избран клирик Свято-Борисо-Глебской церкви (ныне – Свято-Покровского кафедрального собора), лауреат Государственной премии Республики Беларусь, лауреат Национальной премии Республики Беларусь «За духовное возрождение» протоиерей Андрей Бондаренко.

Идея проведения фестиваля сразу была поддержана некоторыми работниками сферы культуры. Так, в оргкомитет и жюри был включён Александр Чеславович Лойко – директор «Областного методического центра народного творчества». В 2006 г. А. Лойко был назначен на должность Начальника Управления культуры Гродненского облисполкома. Подчеркнём, что именно во время его руководства фестиваль получил международное признание. Новый статус поставил перед оргкомитетом новые задачи, которые стали решаться в тесном сотрудничестве с Управлением культуры и другими структурами Гродненского облисполкома.

Авторитетным представляется международное жюри. Заместителем председателя жюри на протяжении последних десяти лет является Михаил Павлович Дриневский, народный артист Республики Беларусь, профессор, художественный руководитель Государственного народного хора им. Г. Титовича, лауреат Государственной Премии Ре-

Архиепископ Гродненский и Волковысский Артемий обращается к участникам и гостям фестиваля «Коложский благовест»

спублики Беларусь, лауреат Премии «За духовное возрождение». Много лет работает в жюри видный российский ученый, член Союза композиторов России, доцент Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского, начальник отдела филологии и искусств Российского гуманитарного научного фонда при правительстве Российской Федерации, доктор искусствоведения Николай Григорьевич Денисов. В разные годы в состав жюри входили: протоиерей Александрель Барнеа, преподаватель церковной музыки Университета им. Иоанна Кузы г. Яссы, доктор теологии (Румыния); протоиерей Михаил Негеревич, настоятель Свято-Троицкого собора г. Хайнувка, председатель оргкомитета Международного фестиваля «Хайнувские Дни Церковной Музыки» (Польша); протодиакон Александр Кедров, клирик Свято-Александро-Невского кафедрального собора г. Парижа (Франция); диакон Виктор Миниотас, клирик Свято-Духова кафедрального собора г. Вильнюса (Литва), член Союза композиторов России и Литвы; Тараненко Иван Иванович, композитор, секретарь Национального Союза композиторов Украины, и др.

Многие члены жюри удостоены наград Гродненской епархии, Белорусской Православной Церкви, Управления культуры Гродненского облисполкома, Министерства культуры Республики Беларусь.

Ежегодно «Коложский Благовест» собирает более полутора тысяч участников. Например, в прошлом году только в первом отборочном туре фестиваля выступило 87 церковных коллективов. В заключительном туре фестиваля участвуют, как правило, около 40 коллективов. Первоначально это были только клиросные епархиальные хоры. Постепенно к музыкальному событию стали проявлять интерес светские любительские и профессиональные коллективы. Сегодня участники выступают в 8 номинациях: церковные хоры епархии и районных центров, церковные ансамбли епархии, церковные хоры и ансамбли областных городов, хоры священнослужителей и духовных школ, светские коллективы (профессиональная категория), светские коллективы (любительская категория), детские церковные коллективы и детские светские коллективы. В этих категориях жюри определяет лауреатов трех степеней, присуждает специальные дипломы и призы, а также один из коллективов получает главную награду – Гран-при фестиваля.

Каждый фестиваль запоминается своими яркими участниками. Всегда привлекают внимание коллективы из стран, отличающихся национальной церковной певческой

Конкурсное прослушивание в Свято-Покровском кафедральном соборе

культурой. Например, хор церкви святого Лазаря г. Крушевац из Сербии (регент – Ружица Вешковац) запомнился исполнением песнопений старинного византийского распева и авторским сочинением Драгана Маринковича, а ансамбль мужского монастыря в честь Ассирийских отцов в с. Канда из Грузии (регент – Инга Тиркия) – пением Трисвятого на грузинском и ассирийском языках (музыка Патриарха Илии II). Хор певчих старообрядческих приходов Сибири г. Новосибирска (регент – Александр Емельянов) познакомил слушателей с несколько забытым и, можно сказать, утерянным пластом певческой культуры. В храме прозвучали песнопения знаменным, столповым знаменным и демественным распевами.

Среди светских коллективов, выделяющихся высоким уровнем хорового мастерства, можно отметить студенческий хор Белорусской государственной академии музыки (дирижер – Инесса Бодяко), который в 2015 г. был удостоен Гран-при фестиваля; Заслуженный коллектив Республики Беларусь, Академический хор Национальной государственной телерадиокомпании Республики Беларусь (дирижер – Павел Шепелев); Камерный хор «Бревис», г. Вильнюс (Литва) (дирижер – Гинтаутас Венисловас); студенческий хор Казанской государственной консерватории им. Н.Г. Жиганова (дирижер – Владислав Лукьянов). Запоминающимся событием фестиваля стало выступление хора студентов Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского под управлением Станислава Калинина. Слушатели имели возможность познакомиться с такими шедеврами мировой хоровой классики, как «Свете тихий» Н. Голованова, «Душе моя прегрешная» В. Калистратова, «Странное рождество видевше» Г. Свиридова.

Безусловно, сегодня мы можем говорить том, что фестиваль «Коложский Благовест» является знаковым, ярким и важным событием духовной и культурой жизни Гродненщины. Церковные и светские коллективы обращаются к бесценному многовековому певческому наследию Православной Церкви, становятся преемниками её живой традиции. Благодаря фестивалю развивается певческая и хоровая культура региона: повышается профессиональный уровень приходских коллективов епархии, происходят изменения в клиросном репертуаре, оживляется концертная деятельность светских и церковных хоров, повышается композиторский интерес к духовно-музыкальному творчеству.

У фестиваля есть ещё одна, высшая цель, которая благовестом отзывается в сердце каждого христианина. Её определил владыка Артемий на открытии XIV фестиваля: «Церковные песнопения, церковная культура – это не просто возвращение к каким-то основам, истокам нашей культуры. Это прежде всего призыв взглянуть в истоки нашей духовности. Потому что от нашего духовного состояния зависит вся наша жизнь. А настоящая христианская жизнь подразумевает необходимость почаще вглядываться в свою совесть, испытывать её. И почаще обращаться в духовную сторону. Я думаю, что наш фестиваль этому способствует».

ИСТОЧНИКИ:

1. Бушко, Н. Чтобы хорошо жить, надо друг друга понимать / Н. Бушко // «Музыкальная Академия», № 1, 2003. С. 122-125.
2. Гарднер, И.А. Богослужебное пение русской православной церкви. Сущность. Система. История: в 2 т. / И. Гарднер. Т. 2. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, 2004. – 530 с.
3. Густова, Л.А. Праздник православного искусства / Л.А. Густова // «Музыкальная Академия», № 2, 2005. С. 142-146.
4. Денисов, Н.Г. Фестивали православного музыкального искусства / Н.Г. Денисов // Современное хоровое исполнительство: традиции, опыт, перспективы: сб. статей / – Ростов-на-Дону, 2014. С. 30-42.
5. Корчинский, И. Очерк истории церковно-школьного дела в Гродненской Губернии в XIX столетии, составленный по данным архива Гродненского епархиального Училищного Совета и другим источникам. – Гродно: Губернская Типография, 1903.
6. Черепица, В.Н. Очерки Православной Церкви на Гродненщине (с древнейших времен до наших дней). Монография: часть II. / В. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2005. – 440 с.

фото Юрия Деглау
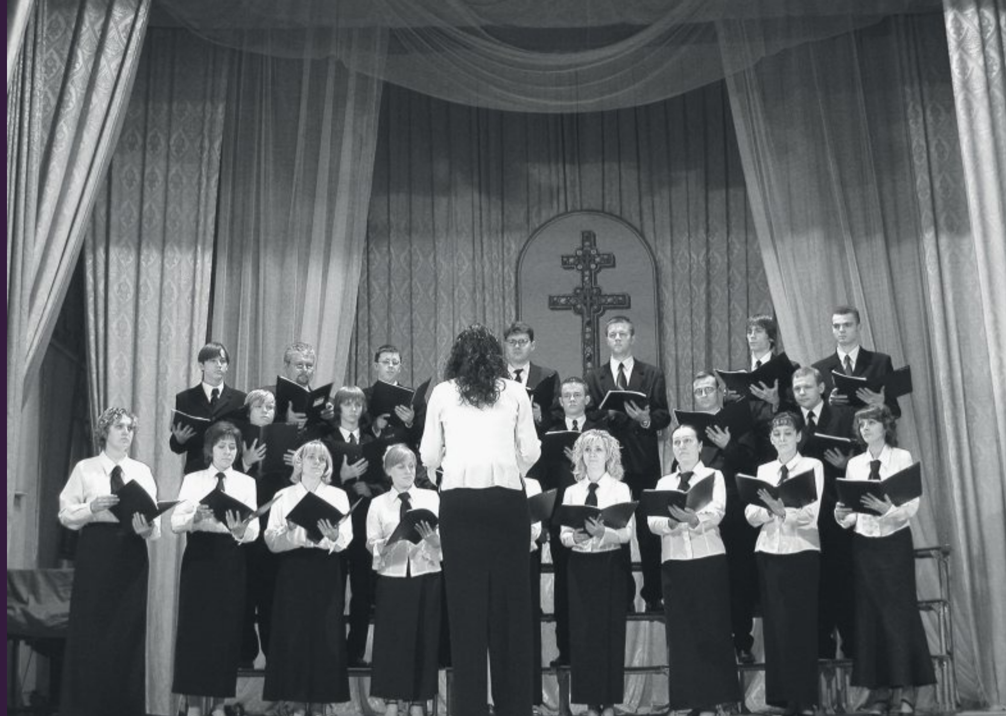
Для меня как для практикующего регента на первом месте находится не музыка, а церковное богослужение. Поэтому объектом моего профессионального интереса является слово в богослужебном тексте. Задача регента в первую очередь заключается в том, чтобы контролировать в хоре правильность произношения богослужебных слов. Важно, чтобы молящиеся понимали то, что звучит в храме. Церковное пение роднит человека с Богом, однако эти отношения, явленные в музыке, не должны перерастать в зависимость или становиться «мечтательными».

Юлия Шепелева.
Регент архиерейского хора Свято-Покровского кафедрального собора в Гродно.

ИСТОРИЯ ГРАН-ПРИ

2005-2015

Хор Свято-Воскресенского собора – памятника 50-летию Победы в ВОВ, г. Брест

Регент – Лия Крац.

Хор Свято-Воскресенского Собора (г. Брест, Беларусь) образован весной 1993 года по благословению настоятеля храма, протоиерея Евгения Парфенюка. Коллектив приступил к службе с самого первого дня богослужений. Первоначально хор состоял из 12 человек, а основу репертуара составляли обиходные песнопения. С течением времени состав хора увеличился до 35 человек, расширился и его репертуар. Коллектив активно участвует в жизни прихода, поёт на богослужениях, а также представляет Свято-Воскресенский храм-памятник на концертах духовной музыки перед общественностью.

Коллектив имеет следующие награды:
– Диплом I Епархиального Фестиваля «Песнь песней» (г. Брест, Беларусь, 1997 г.);
– Грамота за участие в VII Международном Фестивале Православных песнопений (г. Минск, Беларусь, 2003 г.);
– Диплом I степени Международного Фестиваля «Гайнувские дни Церковной музыки» (г. Гайнувка, Польша, 2004 г.);
– Гран-при IV Открытого Фестиваля Православных песнопений Гродненской Епархии (г. Гродно, Беларусь, 2005 г.);
– Специальный Диплом за Духовность и исполнительское мастерство на VIII Международном Фестивале Православных песнопений (г. Минск, Беларусь, 2005 г.)
и другие.

2005

Национальный академический народный хор Республики Беларусь им. Г. И. Цитовича, г. Минск.

Художественный руководитель - народный артист Республики Беларусь Михаил Дриневский.

Хор создан в 1952 году фольклористом, этнографом, народным артистом СССР, лауреатом Государственной премии Геннадием Ивановичем Цитовичем. С 1975 года художественным руководителем и главным дирижером коллектива является Михаил Павлович Дриневский – народный артист Беларуси, профессор, лауреат Государственной премии Республики Беларусь, лауреат премии «За духовное возрождение».

Репертуар хора состоит из аутентичного белорусского песенного фольклора, авторских обработок народных песен, музыки народов мира, классических произведений.

Ежегодно Национальный академический народный хор Республики Беларусь им. Г. И. Цитовича проводит свыше 70 концертов, участвует в международных и республиканских фестивалях: «Белорусская песня» (Республика Польша), «Гайнувские дни церковной музыки» (Республика Польша), Международный фестиваль фольклора в г.Сэнт (Франция), «Певчее поле», «Сожский хоровод», «Днепровские голоса», Всебелорусский фестиваль национальных культур, «Славянский базар в г.Витебске», Международный фестиваль духовной музыки «Магутны Божа», «Белорусская музыкальная осень» и т.д. Ежегодно хор выступает с благотворительными концертами в Чернобыльской зоне.

За выдающиеся успехи в области хорового искусства, популяризацию белорусской национальной культуры, высокий исполнительский уровень в 1983 году хору присвоено звание «Академический», в 2002 году – звание «Национальный».

2008

Женский ансамбль монастыря Св. Гегард, Армения

Художественный руководитель – Мгер Навоян.
Регент – Анаит Папаян.

Ансамбль был организован при монастыре в 2001 году. Помимо участия в Литургиях коллектив ведёт активную концертную деятельность, выступая в Германии (2002, 2003, 2007, 2009 гг.), Австрии (2003, 2008 гг.), Финляндии (2005 г.), Чехии (2008 г.), Франции (2008 г.). Ансамбль принимал участие в многочисленных международных хоровых и музыкальных фестивалях как в Армении, так и далеко за её пределами. Коллективом выпущены CD-диски в Германии, Финляндии, Канаде и Америке.

2010

2011

Концертный хор юношей хоровой школы мальчиков и юношей г. Конаково Тверской области, Россия

Руководитель – протоиерей Вадим Махновский.
Хормейстер – Наталья Махновская.

Как самостоятельный творческий коллектив концертный хор юношей Хоровой школы мальчиков и юношей г. Конаково существует с 2000 г. и носит ярко выраженный православный характер. Ребята много поют во время Богослужений в местных храмах и в храмах г. Твери и Тверской области, участвуют во многих мероприятиях, проводимых по инициативе правящего архиерея Тверской Епархии – Митрополита Тверского и Кашинского Виктора.

В составе Смешанного хора мальчиков и юношей Концертный хор юношей совместно с Государственным симфоническим оркестром Московской филармонии под управлением народного артиста России В. Понькина принимал участие в исполнении кантаты П.И. Чайковского «Москва», Торжественной увертюры «1812», «Страстей по Матфею» И.С. Баха, оратории «Святой Апостол Павел» Ф. Мендельсона, «Симфонии № 3» Г. Малера.

Хор является дипломантом I Всероссийского фестиваля хоров мальчиков «Звучат мальчишек голоса» в Дубне, ежегодных фестивалей православной музыки в г. Твери «Певчая Русь», лауреатом II и III степени VIII Международного хорового фестиваля «Звучит Москва», лауреатом I степени IV Международного фестиваля детского и юношеского хорового искусства «Певчие третьего тысячелетия» в Ростове-на-Дону и VIII Всероссийского конкурса мужских, юношеских хоров и ансамблей «Поющее мужское братство» в Санкт-Петербурге, лауреатом IV Международного хорового фестиваля им. Оськиной «Vivat, мальчишки!» в Петрозаводске.

2012

Детский хор «Вдохновение» детской музыкально-хоровой школы № 106, г. Москва, Россия

Руководитель – Ольга Скворцова.

Концертный хор «Вдохновение» Детской музыкально-хоровой школы № 106 является ведущим детским хоровым коллективом г. Москвы. За годы своего существования коллектив был неоднократным победителем Международных конкурсов.

– Лауреат I премии и обладатель специального приза Международного Майского хорового конкурса «Проф. Г. Димитров» (г. Варна, Болгария, 1999 г.);
– Лауреат II премии и специального Приза зрительских симпатий на Международном хоровом конкурсе в Испании (г. Толоса, 2002, 2008 гг.);
– Лауреат I премии Международного конкурса им. Й. Брамса в Германии (г. Вернигероде, 2005 г.);
– Лауреат I премии Международного полифонического хорового конкурса (г. Ареццо, Италия, 2001, 2010 гг.).

Коллектив ведет интенсивную концертную деятельность, являясь постоянным участником фестивалей и концертов в лучших залах Москвы: Рахманиновский, Малый и Большой залы Московской государственной консерватории, зал Российской музыкальной академии им. Гнесиных, Колонный зал Дворянского собрания, Филармонический зал имени П.И. Чайковского и залы Дома Музыки.

2013

Хор студентов Московской Государственной Консерватории им. П.И. Чайковского
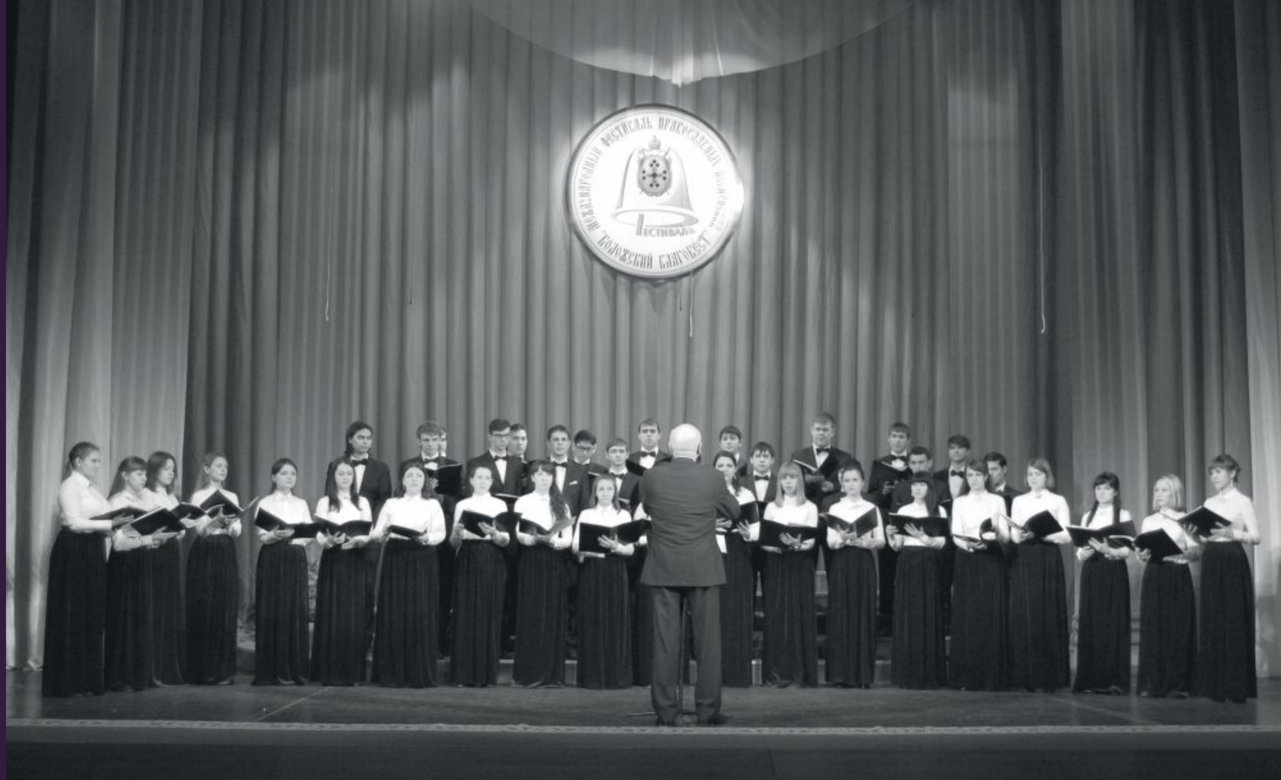
Художественный руководитель – Станислав Калинин.

Хор студентов – один из старейших исполнительских коллективов, ведущий свою биографию с 1924 г. Коллектив выполняет обширные учебно-просветительские и творческие задачи. Под руководством С.С. Калинина только за последние годы хор подготовил и исполнил многие выдающиеся произведения мировой музыкальной культуры: Девятую симфонию Л. Бетховена, Мессу h-moll И.С. Баха, ораторию Ф. Мендельсона «Илия», кантату Б. Бриттена «Святой Николай», мессы Й. Гайдна, «Римскую мессу» Дж. Перголези, «Симфонию псалмов» И. Стравинского, «Реквием» В. Сильвестрова.

Важнейшим направлением в работе хора остается исполнение русской хоровой классики a cappella, а также сочинений современных композиторов.

Хор студентов консерватории – постоянный участник многих отечественных и международных музыкальных фестивалей, таких как «Московская осень», «Душа Японии», «Памяти Игоря Стравинского» и других. Коллектив неоднократно принимал участие в Международном музыкальном фестивале «Апрельская весна», где за высокое исполнительское искусство стал обладателем Гран-при, а также был отмечен семью золотыми наградами в различных номинациях (2003, 2006, 2012 гг.).

Хор студентов Казанской государственной консерватории (академии) имени Н.Г. Жиганова (Россия)

Художественный руководитель – заслуженный деятель искусств России и Татарстана Владислав Лукьянов.

Хор студентов Казанской консерватории – уникальный исполнительский коллектив, много лет представляющий Казанскую консерваторию на музыкальных площадках России и Европы. Это один из старейших и в то же время самых молодых по составу хоров Казани и Татарстана. Участники хора – студенты дирижерско-хорового факультета Казанской консерватории.

С 1997 года Хором студентов руководит один из ведущих хормейстеров России, заведующий кафедрой хорового дирижирования Казанской консерватории, заслуженный деятель искусств России и Татарстана, профессор Владислав Лукьянов. Выступления коллектива под его управлением с огромным успехом проходят в лучших концертных залах России и за рубежом.

Хор студентов принимает участие также и в постановках Оперной студии Казанской консерватории – «Евгений Онегин» Чайковского, «Любовь к трём апельсинам» Прокофьева, «Алтынчеч» Жиганова, ряде других.

Творческое сотрудничество Хора студентов с замечательными коллективами (оркестр Camerata Salzburg, Русский хор им. Свешникова, Капелла им. Юрлова, Камерный хор Московской консерватории, Хор и Оркестр Мариинского театра, Камерный оркестр Петербургской филармонии) и именитыми дирижёрами (В. Гергиевым, Л. Кремером, В. Чернушенко, А. Сладковским, Г. Дмитряком) позволяет коллективу не только расширять свой репертуар, но и неустанно повышать исполнительское мастерство, достигая новых вершин.

Студенческий хор Белорусской государственной академии музыки, Беларусь

Художественный руководитель – Инесса Бодяко.

Студенческий хор Белорусской государственной академии музыки сформировался на базе кафедры хорового дирижирования с первых лет основания ВУЗа. Неизменным руководителем на протяжении 45 лет (1962-2007 гг.) являлся народный артист СССР, профессор Виктор Ровдо (1921-2007 гг.). Под руководством В. Ровдо в 90-е годы коллектив завоёвывал высшие награды на конкурсах в Молдавии, Германии, Польше, Беларуси.

С 2007 года художественным руководителем и дирижёром хора является ученица профессора В. Ровдо, лауреат международных конкурсов Инесса Бодяко.

Инесса Бодяко – заведующая кафедрой хорового дирижирования (с 2011 г.), доцент, с 1997 по 2007 гг. – хормейстер хора Национальной государственной телерадиокомпании Республики Беларусь.

Инесса – член музыкальной комиссии ECA-EC (2013-2015 гг.), принимала участие в работе жюри республиканских и международных хоровых конкурсов, проводила мастер-классы в Украине, Германии, Франции. Является автором и инициатором многих хоровых проектов в Беларуси: «Хоровые страницы XX века», Открытый конкурс хоровых дирижёров им. В.В. Ровдо, женский хор «Чароўныя лілеі». С 1997 по 2010 гг. – регент в православном храме в честь Рождества Христова в Минске.

Благодаря белорусско-немецкому сотрудничеству студенческий хор не раз выезжал на гастроли в Германию. Студенты хора постоянно принимают участие в мастер-классах ведущих представителей зарубежной хоровой культуры.

фото Юрия Деглау

Известно, что церковная музыка влияет на душу. Но душевность бывает разной. Одна душевность ведет к духовности, другая – к страстности. Музыка, которая имеет отношение к храму – духовная, богослужебная, внелитургическая или светская, – призывает к богомыслию, обращается к духовной сфере человеческой личности.

Жизненное кредо, которое несёт духовник нашей епархии, протоиерей Андрей Бондаренко, заключается в том, что человек – это то, что из него исходит. Поэтому музыка, к которой мы прикасаемся как авторы, исполнители или участники (за богослужением), – это то, что формирует нас и формируется нами. Главное, чтобы поющий человек был духовно настроен на диалог с Богом через музыку. Только в этом случае она будет настоящей.

Диакон Дмитрий Шепелев.
Клирик Свято-Покровского кафедрального собора,
регент хора духовенства Гродненской епархии.

диакон Дмитрий Шепелев

ОДНО ТЕЛО И ОДНА ДУША

Как хор духовенства Гродненской епархии делает из дилеммы преимущество

Любой разговор о церковной музыке упирается в одну известную дилемму – музыка или молитва? На чём сделать акцент: на профессионализме исполнения или на передаче молитвенного настроения? На звучании или на смысле исполняемых текстов? Однако подлинный профессионализм заключается не в выборе между формой и содержанием, а в умении их мастерски соединить. Этот профессионализм пытается реализовать хор духовенства Гродненской епархии – профессиональные певцы и «профессиональные молитвенники».

И в самом деле, кто лучше, чем священник, способен передать вдохновение молитвы? Однако такая саморефлексия является скорее ретроспективным взглядом. В 2002 году 11 священнослужителей просто собрались для короткого выступления на фестивале «Коложский благовест». Случилось так, что фестиваль помог родиться хору духовенства. А потом священники уже просто не смогли разойтись. Да и не захотели.

– Помню, что идея создать хор, состоящий из священников, мне очень понравилась. Меня захватило само пение. Это же настоящее удовольствие, когда ты поёшь, чувствуешь музыкальную гармонию, даришь радость слушателям, – вспоминает протоиерей Кирилл Близнюк, входивший в число тех самых одиннадцати.

– Мне тоже знакомо это чувство, – подхватывает диакон Вдадимир Юзва. – Диаконское служение всегда связано с пением. И пение в хоре для меня – неотъемлемая часть моего служения Богу. Без всяких преувеличений могу заявить: пока я пою – я живу.

Сначала спевки хора проходили прямо в храме, а точнее, в сторожке Свято-Покровского кафедрального собора в Гродно. Это помещение занимает пару-тройку квадратных метров, на которых первый состав едва помещался.

«Случилось так, что фестиваль помог родиться хору духовенства»

С течением времени численность хора стала расти, из собрания любителей церковного пения хор стал превращаться в нечто более масштабное. Хотя многое давалось непросто. Одна из самых первых проблем заключалась в том, что большинство участников живут вне города. В такой ситуации проводить спевки и даже записи весьма проблематично.

– Я помню, как меня пригласили петь в хоре, – вспоминает иерей Владимир Саверченко. Владыка и отец Анатолий приехали в храм, где я служу, на престольный праздник. После богослужения владыка как бы ненароком сказал, что вот, мол, хорошо бы и я пел в хоре. Я тогда это не воспринял всерьёз: как это, ездить в Гродно на спевки? За 70 километров?! Наверное, просто к слову пришлось. Но потом

Выступление в Свято-Воскресенском ставропигиальном Новоиерусалимском монастыре в Истре

фото Игоря Ждановича

через некоторое время отец Анатолий позвонил и сказал, что всё вполне серьёзно. И ничего, только первое время было сложно. Но ведь чем ближе сердцу дело, которое ты делаешь, тем ближе и Гродно *(улыбается)*.

С 2004 года хор начал участвовать в международных фестивалях. За это время коллектив успел побывать во многих странах ближнего и дальнего зарубежья, среди которых Польша, Сербия , Украина, Россия, Румыния. Средства для каждой поездки хор искал самостоятельно. Впечатлений от общения со священниками и певчими из других стран всегда было предостаточно.

Кстати, именно в результате частных заграничных поездок родилась идея ввести в репертуар белорусские народные песни. Хор становился проповедником не только христианства, но и белорусской культуры.

– Один из концертов в Сербии затянулся на полчаса. Людям очень понравились наши народные песни. Нас просто не хотели отпускать. А когда мы приехали к ним вновь уже в 2013 году, решили сделать особенный подарок и спеть сербскую народную песню времен Первой мировой войны – «Тамо далеко». Услышав первые слова песни, зал просто взорвался аплодисментами, и на глазах людей проступили слезы, – рассказывает диакон Александр Колацкий.

Ещё один важный аспект таких поездок – участие хора в богослужениях.

– Первый подобный опыт хор приобрёл во время поездки в Свято-Воскресенский ставропигиальный Новоиерусалимский монастырь в подмосковной Истре. Божественная литургия совершалась в храме Рождества Христова. Предстоятелю, игумену Феофилакту – наместнику монастыря, – сослужила часть певчих хора, другие же осуществляли своё служение на клиросе. Это был удачный опыт в истории хора, когда внешнее функциональное разделение нисколько не ослабило внутреннего единства. Одно тело и одна душа! – вспоминает отец Андрей Бондаренко.

На сегодняшний день в состав хора входит уже 30 участников. Хор является неоднократным дипломантом и лауреатом Международного фестиваля православных песнопений «Коложский благовест», дипломантом VIII Международного фестиваля православных песнопений в Минске.

фото Владимира Лебецкого

Всегда повторяю на клиросе, что певчие – самые счастливые прихожане. Мы можем внимательно прочитывать богослужебные тексты, переживать их снова и снова, и кроме того, воплощать эту молитву с помощью пения.

Песнопения неотделимы от тех, кто их исполняет – от певчих нашего клироса. Сегодня это 30 увлечённых церковным пением, любящих богослужения певчих, главной приходской задачей которых является ежедневное исполнение клиросного послушания. Это большая семья, в которой люди вместе радуются и огорчаются, разделяют светлые дни рождения детей и горечь утраты близких, вместе переживают Великий Пост и Христово Воскресение.

Церковные песнопения для меня – это глубина традиции Церкви, живое свидетельство об Истине, ответственность и самопожертвование, профессиональное совершенствование и красота. Это огромная часть жизни.

Наталья Гапличник.
Регент хора храма в честь Собора всех Белорусских Святых

Елена Бабич

ИСТОРИЯ ПРО «ДА»

«Свой путь» Натальи Гапличник

В семье о Боге не говорили во многом потому, что отец служил в КГБ. Мы всегда праздновали Пасху и Рождество, но верующей была только бабушка. Когда мне было одиннадцать, бабушка спросила нас с сестрой: «Хотите покреститься?», и мы ответили, что хотим.

Отправились с бабушкой в Питер к нашему дяде и там крестились в Александро-Невской Лавре. Перед крещением выучили вместе «Отче наш», «Верую» и «Богородице, Дево, радуйся». Тогда я ещё ничего не слышала о Боге, но почему-то считала, что делаю правильно. Почему согласилась? Сейчас я думаю, что это был просто дар. Не вымученное пришествие к Богу, не через скорбь и страдания, а просто: «пойдёшь?» – «пойду». Помню, когда мы причастились в первый раз и бабушка спросила, буду ли я приходить в храм ещё, я снова сказала «да». С тех пор мы стали ходить в храм уже в Гродно, правда, не часто. Конечно, об осознанной вере говорить было ещё рано.

Позже во время учёбы в консерватории я познакомилась с профессором Николаем Васильевичем Шиманским. Преподаватель был строгий, даже жёсткий, поэтому многие его побаивались. И вот однажды после занятия из его уст в мой адрес звучит классическое «А вы, пожалуйста, останьтесь». Я уже начала прокручивать в голове все варианты бывших и не бывших проступков, как вдруг Николай Васильевич очень мягко, даже с трепетом в голосе спросил:

– А вы не хотите петь в церковном хоре? Если да, то я мог бы вам предложить...
– Хочу, – сразу и легко ответила я.

Добираться до храма было сложно, тем не менее на первую спевку я пришла и сразу вписалась в коллектив, меня приняли очень радушно. Тогда я ещё не знала ни гласов, ни последования службы, но со временем, благодаря хору, я воцерковилась. Когда ты оказываешься на клиросе и сам начинаешь читать богослужебные тексты, многое видишь иначе. Возвращаешься к тому, что не понятно, читаешь дополнительную литературу, выясняешь, почему так, почему этак. В конце концов понимаешь, что есть ты и твои отношения с Богом. Это не бабушка, которая возьмёт и отведёт тебя в церковь: теперь ты никому ничего не должен. Никто не следит, пойдёшь ты в храм или не пойдёшь, молишься или не молишься. Когда в этом появляется собственная воля, ты делаешь первые шаги к воцерковлению.

После окончания консерватории я приехала работать в Гродненский музыкальный колледж и на его ступеньках встретила Владимира Сергеевича Лебецкого.

– Это вы новый теоретик?
– Да.
– Жена будущего священника?
– Да, семинариста.
– А где вы поёте? Пошлите к нам!

Как вы думаете, что я ответила?
Так я оказалась в «вагончике» и с тех пор на приходе уже тринадцать лет.

О КРАСОТЕ

Считаю, что мне очень повезло в жизни: у меня были прекрасные педагоги – и преподаватели музыки, и отцы. Отец Фёдор Повный

и отец Владимир Башкиров повлияли на меня больше всего. В них есть какое-то идеальное сочетание рационализма и духовности, которое наложило отпечаток на моё видение службы. Уверена, что богослужение должно быть одновременно и красивым, и молитвенным. Невозможно петь всё время одну и ту же Херувимскую и говорить: «Зато мы молимся при этом», невозможно также петь любые Херувимские и говорить: «Так или иначе, мы молимся».

Когда я ездила на второй хоровой собор в Александро-Невскую Лавру, стояла на службе и думала: «Ну какая это радость!» Хочется улыбаться и в душе есть теплота. Богослужение красивое, чинное, и не сказать, что торжественное. Из-за одного только богослужения уже можно понять, что здесь Истина. Потому что такое человек не может сам придумать, не может сам выполнять. Есть стройность, соблюдение устава, торжественность. Торжественность как полнота. Не как блеск, а как то, что превосходит тебя. Оно над тобой, а ты хоть и участвуешь в нём, но как бы стоишь рядом. И ведь, кажется, ты поёшь! При этом понимаешь, что в целом получается нечто совершенно иное. В богослужении всегда хочется видеть чинность и душевность. Но не плаксивую, а такую, в которой есть личностное отношение к каждой стихире, к каждому песнопению, когда ты его не просто поёшь, а каждый раз переживаешь по-новому.

О СТРОГОМ РЕГЕНТЕ

– Любишь хор? – спросил у меня один человек.
– Да, люблю, – ответила я.
– Ну люби, только будь с ними построже, – с назидательной улыбкой произнёс собеседник.

Мы посмеялись.

Я понимаю, что у каждого певчего свой путь, и если Господь привёл, значит человек здесь не случайно. И моя задача – сделать всё возможное, чтобы он остался. У нас, например, есть люди, которые не знают нот, и нужно по-

стараться, чтобы им нравилось петь, чтобы им было психологически комфортно в коллективе. Если на певчего постоянно цикают, он просто уйдёт. Так что можно быть сколь угодно требовательным и стремиться к идеалу, но на самом деле на клиросе всё очень добровольно, и невозможно применить особую строгость. В то же время, как и в любом коллективе, должна быть дисциплина. Стараемся как-то совмещать. Возможно, мне бы хотелось от хора большего осознания, большей жертвенности, самообразования. Я понимаю, что не могу этого просить, это личное. Вообще у нас люди стремящиеся, хотелось бы, чтобы это не прекращалось.

ОБ УДИВИТЕЛЬНОМ

Всё время удивляюсь тому, что мы видим друг друга каждый день и не ссоримся. Мы все разные, и в то же время нам хорошо вместе, мы радуемся вместе, мы переживаем друг за друга. Даже если кто-то побурчал, всё покрывается – сегодня один покрыл, завтра другой. И это для меня удивительно. Это ещё раз подтверждает, что Господь всё устраивает, если люди искренне приходят помолиться и послужить.

Действительно, хор сейчас в состоянии расцвета. А когда ты находишься на вершине, то, как говориться, путь только один. Но я этого не боюсь. Каждый год, после каждого выступления, я говорю себе и другим, что «это не наше». Это то, что даёт Бог. Наше – это честно трудиться, заставлять себя трудиться. Как только мы скажем, что приложили свои усилия и поэтому у нас получилось, всё может враз прекратиться. Мы стараемся быть хорошим богослужебным хором – инструментом в храме. Главное, чтобы не было гордости. Поглядите, сколько храмов находилось в расцвете, а потом они стояли в запустении. Почему то же самое не может произойти и с коллективом? И даже если Господь попустит какой-то разлад, нужно, чтобы мы были к этому готовы.

О БОЖЬЕМ

Я боюсь говорить «мой хор». Хотя могла бы, учитывая, что регентом я уже девятый год, хор стал делать новые программы, выезжать в заграничные поездки. Но человек не должен ни к чему прилепляться, даже к хору. Я понимаю, что у каждого есть своя жизнь, и если придётся выбирать между хором и чем-то «очень своим», человек выберет «очень своё». И нет, это не боязнь разочарования. Как-то иеромонаха Василия Рослякова спросили об отце Рафаиле Карелине, и батюшка сказал так: «Он горел пламенной любовью ко Господу, от которой некоторые и опалялись. И ревностью же. Но Господь, видя это, потребовал от него смирения, поставив в такие условия, где всё монашеское было невыполнимо, как бы говоря: ревность Я вижу – ты покажи смирение. Так и с каждым». Прочитав фразу в воспоминаниях об отце Василии, я поняла, что это и про меня тоже. Господь даёт какое-то дело, в котором ты можешь даже преуспеть, которое получается, которое нравится, которому ты учился. Но Он может вскорости поставить и в такие условия, где я не смогу ни петь, ни бывать на службе, и что тогда? Должна быть такая любовь к Богу, которая не зависит от места, от дела, от состояния здоровья. Любовь и готовность принять всё.

хор храми в честь Собора всех Белорусских Святых

фото Игоря Ждановича

Как храм и облачение священнослужителей должны быть совершенны внешне, так благообразное пение всегда должно сопровождать молитву, усиливая её воздействие на душу человека. При этом никоим образом пение не следует превращать в аффектацию. Здесь необходимо уметь чувствовать тонкую грань. Для её распознания понадобится искренняя вера поющего и отрезок времени длиной в человеческую жизнь.

Владимир Лебецкий.
Директор и художественный руководитель
Международного фестиваля православных песнопений
«Коложский Благовест»

Елена Бабич

ВЕРА И ПИАНИСТ

Владимир Лебецкий. Директор фестиваля «Коложский Благовест»

Моя верующая бабушка даже в те атеистические годы ходила в храм и иногда брала меня с собой. В детстве кафедральный собор казался огромным. Он долго не реставрировался и производил на меня впечатление таинственное и даже жутковатое.

Родители тоже были верующие. Отец когда-то был пономарём и собирался поступать в семинарию, но, как младший ребёнок в семье, должен был остаться с родителями. Он входил в Церковный совет, несмотря на то что был преподавателем Гродненского Государственного сельскохозяйственного института. Мои детские воспоминания о православных традициях обрывочные, но чёткие. Помню икону Христа Спасителя, которая стояла у нас на подоконнике, помню как бабушка часто приходила из храма с зажжённой свечёй.

Так или иначе, к христианству я всегда был небезразличен. Вернувшись после окончания Белорусской Государственной консерватории из Минска в Гродно в 1989 году, я пришёл петь в хор кафедрального собора. Тогда многие музыканты шли петь в храмы. В стране уже назревал кризис, до развала Союза оставалось всего два года. Чувствовалось веяние свободы, которую уже невозможно было удержать. У многих, в том числе и у меня, появился интерес к вере. Он зиждился на извечных вопросах: «Кто я такой?», «Откуда мои предки?» и «Почему они верили?». Наверное, у человека, получившего образование, эти вопросы должны возникнуть неизбежно. Когда узнаёшь, что православие исповедовали многие выдающиеся люди – доктора наук, профессора, дожившие до седин, – понимаешь, что это не случайно. Ведь они всегда всё осмысливали. Значит, можно опереться и на их духовный опыт.

На моём жизненном пути встретился тогда настоятель храма, протоиерей отец Владимир Урлик. Мы часто разговаривали о вере, но с его стороны никогда не было навязчивых поучений, он никогда не перегибал палку.

У меня как музыканта самый большой интерес вызывала православная хоровая культура. Разумеется, православное богослужение немыслимо без акапельного хорового пения, это лучшее украшение – диадема Литургии Православной Церкви. Когда у нашего государства появилась независимость, я задался вопросом: а есть ли у нас национальные композиторы, которые творили для Церкви? Я искал, интересовался, и впоследствии стал узнавать, что почти все русские композиторы, которых мы изучаем по программе музыкальной литературы, были православными и создавали шедевры на основе православной хоровой музыки.

Дополнением ко всему стало и создание камерного хора православной церковной музыки «Дойлідства». Он возник в 1989 году и просуществовал около двадцати лет. Хор исполнял самые прекрасные образцы произведений православной музыки. Открывал, возрождал и «рекламировал» то, что было почти утрачено. На этой ниве коллектив сделал очень много, своим пением привлекая людей к Церкви и заставляя задуматься.

И в 1992 мы с хором отправились в Хаунувке на Международный фестиваль церковной музыки «Хайнувка 92». Это была первая серьёзная презентация коллектива. Это была в большей степени светская затея, но церковь оказала нам поддержку. Было очень тяжело пробиться на фестиваль. Я ездил в Жировичский монастырь, познакомился с владыкой Филаретом. Он тогда спонсировал костюмы для нашего коллектива, договорился о нашем участии в этом фестивале с владыкой Саввой, архиепископом Белостоцким и Гданьским. Мы стали лауреатами третьей премии. Начались взаимные контакты по поиску и исследованию певческой

православной литературы. В Беларуси в те годы её было не достать, но многие сборники издавались в Лондоне, и вот через общение с коллегами шедевры удалось возвратить на родину.

После Хайнувки возникла мысль о создании фестиваля в Гродно. Я, собственно, посмотрел на Хайнувку: маленький городок – где-то до 30 000 человек. При этом там построили совершенно уникальный храм, архитектура которого объединяет в себе традиции и новшества. Вот и подумалось, ну почему там могут, а у нас, в Гродно, – нет? И храмы, и традиции нужно просто потихонечку возрождать. Например, организовав такой же фестиваль. Мысль озвучили. Часто такие вещи не находили поддержки, можно было услышать: «Да ты сумасшедший!» Но именно благодаря сумасшедшим идеям реализовывались проекты.

Здесь единомышленником стал мой друг, а ныне секретарь епархиального управления, настоятель храма в честь Собора всех Белорусских Святых, митрофорный протоиерей Анатолий Ненартович. Он подхватил эту идею ещё тогда, будучи молодым священнослужителем. Для того чтобы набраться опыта, мы поехали в Гайновку. Хотелось понять структуру изнутри, однако диалога с директором не вышло. Зато нас любезно принял и помог нам настоятель кафедрального собора в Хайнувке, отец Михаим Негеревич. В Гродно многие наши идеи были услышаны, и к столетию возрождения Гродненской епархии мы решились провести пробный фестиваль. Назвали его «Фестиваль православных песнопений Гродненской епархии». Сразу образовался такой порядок: сначала отборы по благочиниям, а потом заключительный тур – выступление в Гродно. Всё это нужно было успеть за день. Была суббота, коллективы приезжали в городской дом культуры. Помню, как от руки заполняли дипломы, о чём-то долго спорили. А ещё помню, как мы упрашивали отца Александра Шашкова выходить на сцену, чтобы он заполнял паузы духовной беседой. Так наладился фестиваль, который сегодня стал украшением облика Гродненской епархии. Сейчас я с большой благодарностью взираю в сторону владыки Артемия, который, не будучи музыкантом, понимал значимость мероприятия и благословил его.

Однако пребывание в церкви не является показателем веры. Первые годы в храме мне было очень тяжело удержать внимание, постоянно что-то отвлекало, Литургия казалась невыносимо долгой. Теперь мне, наоборот, кажется, что она очень непродолжительная.

Причащаться я стал только после тридцати. Я понял, что это необходимо. Что случилось? Ничего не случилось, я просто к этому шёл и наконец-то пришёл. Человек не может просто так приходить, причащаться и исповедоваться: ты принимаешь осознанное решение. Во многом это произошло благодаря общине.

Середина девяностых стала для меня переломным моментом. А в 1999-м был наш первый крестный ход от Коложи к месту строительства храма. Мы несли крест, который установлен сейчас перед входом в храм. Этот было очень символично. Я вспоминаю рассказы о том, как раньше создавали монастырь: опускали на воду крест, и там, где он приставал к берегу, строили обитель. Вот у нас было приблизительно такое же зрелище. С возвышенности, на которой стоит Коложа, виделась картина в духе символизма: крест святой Ефросиньи Полоцкой движется вдоль Немана к месту строительства храма в честь Собора всех Белорусских Святых. Для меня это был значимый момент. Чувствовался духовный и душевный подъём.

Потом началось строительство и каждый вносил свой посильный вклад. Вспоминается тот железнодорожный вагон, который, по словам владыки Артемия, выглядел как скиния. Хор стоял в вагоне сбоку от алтаря, и мы могли видеть всё, что там происходило. Всё было рядышком. Название «вагончик» надолго закрепилось за нашим приходом. Даже когда обсуждали фестиваль, спрашивали: «Как выступил вагончик?». Это объединяло очень многих. Люди приходили молиться, сначала нас было человек сорок, потом становилось всё больше. Почувствовалась соборность. Соборная молитва представляется мне чем-то вроде оптоволоконной связи – в храме много людей, но каждый индивидуально беседует с Богом. В этом удивительное свойство нашей православной веры. Каждый может замкнуться в своём обращении к Богу и в то же время быть вместе со всеми, когда диакон возглашает «Паки и паки миром Господу помолимся».

Я пианист. Людей искусства Церковь называет лицедеями и их, вообще-то, не принимает. Мотивация любого человека, который занимается только искусством, – эгоистичная. Пианист – это индивидуал. Он не играет в коллективе, он не поёт в хоре, он один и его цель – это аплодисменты, успех, завоевание признательности. Это противоречит христианству. Ведь талант – это прежде всего дар Господа, а не заслуга самого человека. Изменение происходит в твоём сознании в тот момент, когда ты начинаешь это понимать. Если я умею петь, то это Господь действует через меня и даёт людям возможность молиться. Если я своим пением в церковном хоре сумел помочь верующему человеку погрузиться в то состояние, где ему никто не мешает общаться с Господом, то истинная цель достигнута.

В музыкальном колледже

У многих, кстати, были проблемы в этой связи. Я обратил внимание, что в истории Гродненщины XIX века, практически нет никаких сведений о музыкальной культуре католической конфессии. Оказалось, в это время она испытывала кризис. Музыканты приходили в костёл и устраивали из него сцену. Во время богослужений исполнялись оперные отрывки, арии, не имеющие никакого отношения к богослужебной практике западного христианства. Надо понять, что церковная культура и культура сценическая – не одно и то же. Никто ведь не носит каждый день одежду из музея высокой моды. Есть обиход, который исполняется в церкви, в основании его лежат древние распевы. Есть также культура романтизированная, с наслоениями западных течений XVII-XIX веков. Тут я пребываю в лоне традиционной православной певческой культуры, при этом я не забываю, что я пианист, но вера и «пианист» – суть разные вещи.

фото Юрия Деглау

Дети очень искренние и почти физически не могут петь до тех пор, пока не поймут значения текстов. Если как регент я смогу объяснить им смысл богослужебных песнопений, дети почувствуют и то, как нужно исполнять.

Сначала я стараюсь раскрыть значения непонятных церковных слов, и только потом мы приступаем к репетициям.

Вера Яромич.
Регент хора храма в честь святителя Николая Чудотворца в Берестовице

Артур Комаровский

ПЕВЧИЕ ИЗ ГЛУБИНКИ

Автомобиль легко бежит по пустующей дороге. Бело-серый пасторальный пейзаж за окном напоминает детство и древнюю китайскую живопись. Отец Игорь встретил нас в Щучине и теперь везёт в деревню Орля, где нас ждут певчие церковного хора, чтобы рассказать о нём и немного себе.

Приехав, в храме никого не обнаружили. Священник отправился на поиски наших героинь, которые, как оказалось, грелись в сельском магазине.

Церковь-муравьёвка, выкрашенная в голубой, смотрится гармонично в соседстве с обычными деревенскими домами. Тишина стремительно тающего января завораживает. В куполе запуталось тяжёлое облако, кажется, оно вот-вот рухнет на наши любопытные головы.

Эпоха открытий

Мы расположились на клиросе. Нина Александровна самая молодая и общительная из певчих, Мария Иосифовна – скромная и трогательная – ей уже 86; Людмила Самсоновна, серьёзная и строгая.

– Сейчас у нас здесь красиво, уютно, – начинает Нина Александровна. А раньше куры ходили, гуси, козы, дети бегали. Не было окон.

Нина Александровна не местная, хоть и живёт в Орле очень давно. Родители погибли на войне, жила у дедушки с бабушкой.

– Однажды я подумала: «Нехорошо! Такая церковь пропадает!» Нужно было что-то делать. Решили с подругой написать письмо с просьбой открыть нам церковь, помочь. Насобирали мы тогда подписей на два листочка. Но, как оказалось, этого мало.

– Ну, мы тогда взялись собирать ещё, – продолжает Мария Иосифовна. Хоть и боялись писать второе письмо, но что поделать... Подписала его своим именем наш продавец. Отослали. И вот после этого всё завертелось, началось движение, сбор денег.

– Самое интересное – отмечает Нина Александровна, – что деньги собирали всей деревней: и католики, и православные. Никто не отказывал.

Процесс строительства и ремонта был сложным, долгим, но не напрасным. Вскоре в деревне появилась действующая церковь, в которой люди уже давно чувствовали необходимость. Как-то сразу появился и хор. Никто специально его не собирал, не организовывал. Если не считать того, что Мария Иосифовна предложила некоторым знакомым. Всё, можно сказать, сложилось само собой. Люди собира-

На центральном фото слева направо:

Ботько Нина Александровна, Ненартович Мария Иосифовна, Шершень Людмила Самсоновна, иерей Игорь Марчик

лись, пели на венчаниях и похоронах, выезжали в соседние деревни.

– Конечно, было сложно начинать – говорит Нина Александровна. Я ведь вообще медик. Только и знала что пенициллин да стрептомицин. Но я убедилась на себе, что всему можно научиться, было бы желание.

Училась Нина Александровна у соседки, которая с радостью делилась необходимой литературой.

– У Игнатьевны было много певческой литературы. Читала всё подряд. Мне всё было интересно, я ведь ничего не знала о том, как нужно петь в церковном хоре.

– И мне было сложно. Да всем нам! – Подхватывает Людмила Самсоновна. – Но постепенно всё пришло. У кого голос есть и вера – петь будет. Научится.

Сейчас в хоре все певчие опытные. Поют практически всё: и молебны, и литургию, и панихиды. Когда сложно, помогает матушка. Женщины с удовольствием и гордостью рассказывают о своих выступлениях на фестивалях и конкурсах.

– Вот это с фестиваля в Первомайске награда – показывает Нина Александровна на одну

из икон. – А вообще здесь почти все иконы наградные. Мы много выступали. Теперь всё чаще волнуемся, а раньше молодые были – ничего не боялись.

До того, как образовался хор, наши певчие успели засветиться даже на телевидении. Выступали от колхоза, от больницы. Тогда это было обычным делом.

– Ой, у нас вся деревня раньше пела! – Восклицает, Нина Александровна. – Собирались у Немана или у кого-то в доме. Пели и церковное, и обычные сельские песни. Помню, на Пасху особенно любили петь. Голоса молодые были, звонкие.

Эпоха перемен

После появления хора в жизни женщин многое изменилось. Нина Александровна стала более спокойной, почувствовала внутреннюю свободу. Людмила Самсоновна и Мария Иосифовна обрели возможность заниматься любимым делом – петь.

– Построить дом, семью завести и хорошо прожить, с добром – вот от, что человек должен в жизни сделать. – Делятся опытом наши певчие. Глядя на них, простых и мудрых, веришь, что так оно и должно быть.

– Ведь добрый человек – это какой? Добрый человек – это человек счастливый.

фото Александра Пасечника

фото Игоря Ждановича

Сейчас «Коложский благовест» намечает русла, по которым, возможно, хлынут будущие духовные накопления, чтобы вылиться в новые литургические сочинения. Но есть ещё и околоцерковная среда. Церковь не заканчивается за оградой храма, следовательно, и музыка простирается за пределы этой ограды. Для нас же важно во всём этом «нащупать ядро». Таким ядром является, конечно, литургическая музыка. Это как в воинской части: самое главное – знамя!

Протоиерей Александр Шашков.
Настоятель Свято-Покровской церкви деревни Мильковщина, член жюри фестиваля «Коложский благовест»

Александр Шурский

ФОРМУЛА ОТЦА АЛЕКСАНДРА

Протоиерей Александр Шашков о том, как жюри ищет компромисс между лугом и оранжереей.

– Отец Александр, расскажите, пожалуйста, о том, как вы впервые встретились с музыкой.

– В детстве и юности мы, как правило, живём одним днём, строим туманные прогнозы на будущее и редко осмысливаем прошлое. Мы всегда устремлены вперёд, всё время думаем: вот-вот начнётся что-то самое важное… Но скоро понимаешь, что главные события как раз таки произошли в детстве – они наполнили всю жизнь ароматом, обеспечили вечным запасом «ладана».

Прошло 10 лет после войны. Мама была учительницей. Помню, как я спал на пропахшей порохом шинели отца – папа был артиллеристом, защищал Ленинград, был зенитчиком на Пулковских высотах. Теперь он работал инженером-механиком.

Родители уходили на работу, а я оставался дома один. Меня сажали на огромную печь, с которой я не мог слезть, вокруг было очень темно. И я долго жил только впечатлениями от звуков. На каком-то глубинном уровне я помню всё, что доносилось до меня: скрип колодца, в который опускалось ведро, транспорт, звуки животных.

Мой слух обострился, и это имело последствия. Акустический мир очень интересен мне и по сей день. Вслушиваться во «ВСЁ» для меня всегда было наслаждением. Очень люблю слушать, как вода перекатывается, журчит, плещется, кипит.

Для себя я отметил 16 звуков, которые издаёт воздух, и 8 звуков, которые издаёт вода: именно так – я вдумывался, квалифицировал. Современность предлагает нам иной мир – мир шоу, визуального восприятия. Это тоже пространство своеобразной гармонии, но она не создана под действием слуховых впечатлений от живого мира, поэтому может нанести непоправимый ущерб личности.

В детстве моим любимым времяпровождением было сесть где-нибудь у пруда или речки и просидеть там полдня, а то и весь день, забыв обо всём, постигая эту удивительную природу звуков и зрительных впечатлений, которые после выхода из домашнего заточения я жадно ловил.

Комары по поверхности воды бегают, вода прогибается, подводный мир – рыбы, надводный – стрекозы, камыши, и вокруг всего этого наш фантастический белорусский пейзаж, который до сих пор потрясает воображение…

Так природа северной Гомельщины формировала моё эстетическое чувство. С возрастом эта жажда ландшафтных впечатлений не иссякает, а, может быть, даже укрепляется.

– Можно ли сказать, что острое восприятие звуков возникло в результате того, что в определённой степени вы были лишены визуальных впечатлений?

– Скорее это было стимулом для того, чтобы раскрылась генетика, а она насквозь музыкальная. Например, мамин дедушка Михал игрой на скрипке зарабатывал на семью. Это был белорусский феномен: земельного надела у него не было, только инструмент.

Мамин папа Яков в царской армии был полковым запевалой, что тоже говорит о музыкальном даре.

В роду мамы были не только музыканты, но и замечательные белорусские сказатели, которые владели эпосом. Весь посёлок собирался послушать маминого дядю – уже другого Михала. Он мог рассказывать истории, байки, анекдоты по многу часов. Он был не только «передатчиком», но и «генератором» сказаний, поэтому многое я слышал только от него.

Линия отца – казаческая. В ней были беглые старообрядцы, донские казаки. Помню, когда на свадьбе они пели казацкие песни, на 10-20 минут замирало всё вокруг.

Музыкальная школа была в районном центре, а тяга к обучению была так велика, что я преодолевал пешком около 10 км ежедневно, и потом ещё 15 на транспорте. Возвращался уже затемно, даже волков видел. Посёлок стоял особняком, места дикие…

Папа говорил: «Ну, может, уже хватит?!» Зимой порой так заметало дорогу, что снега было почти по пояс, иногда в снегу блуждал по многу часов, чтобы добраться домой. Иногда приходилось и через речку по ледяному бревну над бурлящим потоком перебираться. Дома я не рассказывал о своих приключениях: боялся, что запретят заниматься музыкой.

– А вы помните свою первую встречу с музыкальным инструментом?

– После войны папа купил радиолу. Из Киева тогда транслировали передачу «Учитесь играть на баяне», и я пятилетним мальчиком слушал её постоянно. Это потрясало моё воображение. Рассказывают, что когда маленький Чайковский услышал выступление симфонического оркестра, то это потрясло его до глубины души. Именно так потряс меня и баян: я словно утратил ощущение реальности. Акустика, тембр… Несколько дней я ходил как во сне, под впечатлением.

В 9 лет мне купили аккордеон. Минут через 15 на ступеньках автовокзала, не имея никакого понятия об инструменте, я уже играл простые мелодии. Через год мне купили баян – тульский, детский. Помню, что в первую ночь положил баян рядом с собой, обнял его да так и уснул. Я нечасто встречаю такое у музыкантов, скорее всего, это было нечто врождённое – дар от Господа.

До этого момента я намеренно ничего не говорил о Господе. Он сказал: «без Меня не можете творить ничесоже», и это действительно так. Даже не упоминая Его, мы можем свидетельствовать о Всевышнем, который проявляет Себя во всём, что делает человек. В музыке меня прежде всего впечатляет красота окружающего мира, великолепие мироздания. И можно сказать, что именно музыка стала моим проводником к Богу.

А дальше была музыкальная школа с её феерическо-фантастическими впечатлениями, затем удивительный мир Гомельского музыкального училища. Редкий выпускник училища мог «добраться» до консерватории. Если такое происходило, это было достижением коллективным, неотделимым от успехов музыкальных соратников, становилось общей радостью для всего курса и учебного заведения. Всё это имело большое значение для становления своеобразных «начатков» соборного сознания.

Важно понимать, что за всем, совершаемым нами, стоит огромный труд предшественников, которые вливали в наши души свою любовь, красоту своих личностей. Понимать, что мы не существуем сами по себе, но связаны с величайшим человеческим опытом. Думаю, что это «соборное» чувство похоже на литургическое чувство общего дела.

Об этом свидетельствует, например, то, что у нас в епархии большая концентрация музыкальных феноменов. Назвать такое простой случайностью невозможно – здесь присутствует промысел Божий.

– Баян всегда был для вас основным музыкальным инструментом?

– Нет, баян был стартовым. Потом все-таки «скрипичная генетика» дала о себе знать, «дудочность» наша белорусская, «флейтовость».У меня была такая жадность к получению новых инструментальных впечатлений, что в большей или меньшей степени я познакомился со всеми возможными инструментами. В армии носил с собой скрипку, у меня были личный баян и флейта. Служил в окружном военном музыкальном ансамбле. Рядом был штабной духовой оркестр, в котором были все духовые инструменты– учился игре на гобое, кларнете, трубе, тромбоне. Почти на всех инструментах симфонического оркестра удалось поиграть, а это не только профессиональная польза, но очень большое удовольствие и радость. Потом это сказалось на будущих композиторских опытах.

Другой составляющей моего музыкального становления были белорусское народное пение, песни, которые пела мама. Она была не сценической певицей, а именно народной – «Необработанный природный камень».Она сохранила традиции белорусского пения. В её репертуаре трудовые, обрядовые, календарные песни и бесчисленное множество других. Цикл колядных

белорусских песен, которые я пишу для нашего фестиваля «Коложский благовест»,связан с впечатлениями от пения матери.

И, конечно же, казацкое пение наложило отпечаток. Оно несколько иное – более упругое и связано с ритмом лошадиных скачек. Галоп, рысь – отсюда и упругость, ритмичность напевов. Таким образом, в моём творческом почерке создался своеобразный симбиоз белорусских протяжных песен и ритмичных казацких. Думаю, что белорусскому фольклору казацкая упругость придаёт какую-то особенную красоту, и стараюсь подчёркивать эти моменты в творчестве. Ну и, конечно, большое значение имело высшее академическое музыкальное образование, фактически европейского образца.

– Многие люди всерьёз увлекаются музыкой, но не каждый музыкант становится композитором – не каждый способен быть создателем. Вы помните момент, когда потребность созидать проснулась в вас?

– Уже в музыкальной школе я сочинял какие-то незамысловатые мелодии на баяне. Помню, как в 5 классе музыкальной школы написал небольшое произведение – «Прелюдию», и с удовольствием играл её.

Первые серьёзные сочинения я написал на 2 курсе училища, и они были оценены настолько высоко, что мне разрешали их играть в качестве зачётных. Это продолжилось и в консерватории. Те, кто специально учился на композиторской специальности, могли относиться к моему опыту достаточно строго, поскольку требования к академическому уровню задают определённый уровень сложности. Я к сложности никогда не стремился.

– А почему вы не выбрали композиторское направление?

– Я обучался по классу баяна-аккордеона, но если бы делать выбор нужно было сейчас, то поступал бы на композицию. По второму кругу не пошёл, потому что уже имел семью. Если бы тогда всё сложилось иначе, то теперь, наверное, был бы более представительным композитором и писал более разнообразную музыку, но, скорее всего, не стал бы священником. Впрочем, этого нельзя утверждать.

До сих пор жалею о ненаписанных произведениях, которые живут внутри. Порой нужно просто время, чтобы их записать, но нет этих дней, недель, месяцев… Но меня утешает то, что существует не только человеческий, но и Божий взгляд на вещи. Иногда очевидное (человеческое) бывает несовершенным, а сомнительное Божие – совершенным.

Непостижимый Божий промысел обнаружится только после того, как в пакибытии мы узнаем, что было угодно Господу. Нужно со смирением располагать свои дела и уповать на то, что по откровению преподобного Симеона Нового Богослова Господь утверждает в качестве высшей красоты – покаяние. Именно красоты. Мы чаще говоримо целесообразности: кайся – спасёшься. Казалось бы: что является большей красотой–покаяние или музыка? При этом гамма чувств, которую рождает покаяние, и гамма чувств, которую рождает музыка, – это соседствующие, синергичные, симфоничные спектры, а порой, может быть, и тождественные. Иногда я не различаю впечатлений, производимых покаянием, и впечатлений, производимых тем или иным музыкальным произведением. Они часто лежат в одной плоскости.

– Отец Александр, на фоне этого богатого музыкального опыта был ли момент, когда произошло переживание личной встречи с Богом? Стало ли это неожиданностью для вас?

– В творчестве у меня было два течения: языческо-фольклорное и белорусско-церковное. То есть могу сказать, что я музыкант из народа. Мой приход к церковной музыке был неоднозначным, поскольку гармонизировать языческую струю и церковную в себе невозможно. Это как если бы кто-то был одновременно и священником, и скоморохом. Гармонии здесь, по сути дела, быть не может. И отделить зёрна от плевел в языческом наследии гораздо сложнее, чем в академической музыкальной среде, которая является как бы дщерью христианства. Она возникла в недрах христианства и показала миру выдающиеся образцы творчества. К этой культуре я был приобщён в консерватории, но долгое время внутри между собой боролись оба течения.

– Значит, эта встреча произошла в сознательном возрасте?

– Есть старая театральная пьеса-притча «Таинственный гиппопотам», в которой кролик искал

себе друга гиппопотама, зная о том, что именно он – самый лучший друг на свете! А в этом деле ему помогал маленький бегемотик. Они преодолевали разные препятствия, и в конце концов кролик сказал: «Зачем искать этого таинственного гиппопотама, когда самый лучший друг – бегемот?! Тот самый бегемот, который не раз спасал меня от неприятностей!»В этот момент проходящий мимо ёжик упрекнул бегемотика в том, что тот занимает его тропинку: «Эй, гиппопотам, подвинься!» Таким образом, стало ясно, что бегемот и гиппопотам – это одно и то же существо.

Мистическую божественную силу я ощущал с детства, но продолжал искать её, не понимая того, что, условно говоря, «бегемотик и есть гиппопотам!». Я ощущал присутствие Божие, но искал его где-то вовне. И лишь потом, пройдя множество путей, связанных с любовью к родине, к красоте, к национальному фольклору, к академической музыке, я понял, что Божественное и было во всём этом, причём оно всегда находилось рядом. Потихонечку«встретились кролик и гиппопотам», чтобы понять, что они никогда и не расставались!

Это произошло примерно в возрасте 21-22 лет. Я почувствовал, что всё вокруг меня имеет Божественную природу. И стал усиленно работать внутри себя над отделением зёрен от плевел.

И фольклор фольклору рознь. Есть фольклор похабный, скоморошеский, а есть такой, который говорит о душе как христианке по природе. Самовыражение естественного человека недалеко от Божественного начала. И в академической музыке не всё одинаково, там тоже пшеницу от плевел надо отделять… А вообще, юность была бесстрашной, я только потом начал понимать по каким опасным тропам ходил.

– Наверное, в середине 70-х было очень трудно исповедовать Православие.

– Да, это было сложное и определяющее время – своеобразный мировоззренческий водораздел. У нас в консерватории сформировалась небольшая христианская община. Мы оказывали определённое влияние на сверстников, и многие талантливые преподаватели с заинтересованностью следили за нами. Быть может, в нас осуществлялось то, о чём они не могли и мечтать.

Во многом благодаря таким небольшим кружкам к началу 90-х сформировался критический пласт общества, мыслящего в ином русле. Это позволило избежать гражданского противостояния и кровавого конфликта. Получается, что эта «закваска» в каком-то смысле определила и исторический путь развития страны.

И лишь потом, пройдя множество путей, связанных с любовью к родине, к красоте, к национальному фольклору, к академической музыке, я понял, что Божественное и было во всём этом, причём оно всегда находилось рядом.

Во время выступления в Свято-Воскресенском Новоиерусалимском монастыре в Истре

фото Игоря Ждановича

– Мы близко подошли к вопросу принятия вами священства. Как у вас возникла мысль об этом?

– Этот момент мистический. О нём трудно говорить, потому что ты несёшь ответственность за то, как будет услышано, прочитано, интерпретировано каждое слово. Духовная жизнь во многом таинственна. Как у айсберга, у неё есть надводная часть, которая видна всем, и подводная, о которой не принято говорить.

Есть поверхностная часть этого сюжета о священстве, есть глубинная. Об онтологической грани могу рассказать. Когда я только начинал молиться, а происходило это спонтанно, то обращался к «неведомому богу», который уже жил в сердце до прихода в церковь. А оказавшись в православном храме, я узнал (и узнал несомненно), что это Он, и Он здесь.

В каком-то смысле стимулом к этому была музыка И.С. Баха. Именно она много говорила о некоем «неведомом боге». Во время обучения в консерватории это было единственном источником, свидетельствующим о том, что непросто «Что-то есть», а есть «Нечто» вполне конкретное – персонифицированное. Музыка Баха говорила о Боге как о Личности.

Затем последовало воцерковление и «оправославливание» – очень болезненный процесс. Становиться православным человеком, будучи воспитанным в традициях западной культуры, – тоже самое, что для человека, рождённого «коленками назад», учиться ходить нормально после хирургической операции.

Православие является генетически более древним и больше знает о том, как правильно должны быть расположены «суставы» в душе человека. Тот мощный культурологический рывок, который совершила Европа в эпоху Возрождения, создал удивительную «иноходь», но вместе с тем увёл людей от естественной походки. Даже в мире музыкального академического искусства этот период оценивается неоднозначно. Многие говорят, что вместе с развитием это был и определённый кризис эстетики.

Если говорить о нашем фестивале, то у него есть глубинная цель – преемственность, поддержка негаснущего очага. И то, что «очаг» этот очень

высокого уровня, можно понять из того, насколько мало достойных произведений для храмового пения создано в наше время. А композиторов, которые пишут музыку на церковную тематику, много.

Это значит, что нам есть куда расти. Вот сейчас «Коложский благовест» намечает русла, по которым, возможно, хлынут будущие духовные накопления, чтобы вылиться в новые литургические сочинения. Но есть ещё и околоцерковная среда. Церковь не заканчивается за оградой храма, следовательно, и музыка простирается за пределы этой ограды. Для нас же важно во всём этом «нащупать ядро». Таким ядром является, конечно, литургическая музыка. Это как в воинской части: самое главное – знамя!

Поэтому наш фестиваль является в каком-то смысле «знаменосным», «хоругвеносным» в жизни не только Белорусской Церкви, но и всего Православия. Я верю в то, что всё это будет иметь большие плоды. Более того, мы сейчас осмысливаем лишь небольшую часть того, что существует на самом деле. Требуется определённая историческая перспектива, расстояние, чтобы увидеть полноценную картину.

– Многие люди, приходя к Богу, отказываются от творчества. Выбрасывают его в корзину прошлого как нечто греховное. Случалось ли с вами нечто подобное?

– Я старался в движении от искусства в сторону воцерковления придерживаться сущностного критерия. Мне кажется, такой критерий наиболее актуален для современной христианской жизни. Христианину сегодня необходимо органично входить во все сферы жизни. Прошло время, когда праведников было так много, что остальные могли молчать. Сейчас даже если ты и неправеден, но имеешь понятие о праведности, то нужно свидетельствовать об этом понимании.

В конце концов, «Дух дышит где хочет» и как хочет…

Человек, двигаясь по духовному пути, интуитивно, как находящийся за трапезой, чувствует по мере насыщения, к какому следующему блюду приступить. Вопрос только о здоровом вкусе, о том, чтобы воспитывать его в себе. Сейчас в этом перегруженном информацией мире весьма актуален вопрос вкуса. В этом плане наш фестиваль – отличная возможность для формирования правильного, здорового и гармоничного вкуса.

– Как вы считаете, опасно ли исполнение духовных песнопений профессионалами без «духовной подготовки»?

– Существует эстетика оранжереи и эстетика цветущего луга. Эстетика оранжереи сама по себе неплоха, там всё упорядочено, спрогнозировано, сформировано деланием человека. Эстетика цветущего луга лучше соответствует понятию «Божественной стихии». Нужно иметь ввиду, что в хорошем деле должно присутствовать то и другое.

Когда на фестиваль приезжают сельские хоры, которые поют не всегда правильно, так сказать,«непрофессионально», мы, разумеется, это видим. Зато именно такие певчие представляют нам благоухание древнего христианства. Многие их песнопения искажённые, но, как ни странно, эта искаженность создаёт особый тип красоты. Нарушение оранжерейной стройности тоже может порождать шедевры. Хотя в идеале мы за союз музыкального профессионализма и божественного вдохновения в рамках храмовой литургической культуры.

– Все песнопения имеют свои места в богослужении, и там они звучат органично. Нет ли опасности в том, что эти цветы будут изъяты из оранжереи и перенесены в состязательную, конкурсную среду?

– Сначала об изъятии. Из фестиваля можно убрать состязательность, устранив конкурсное начало, и всё равно оценочность не исчезнет. Ревность и соревновательность, в хорошем смысле, нужно культивировать. Возделывать на примере ревностной любви святых к Господу.

Соревновательность не лишает возможности сорадоваться, хотя достаточно сложно принять чужую радость как свою, во всяком случае, труднее, чем чужую боль. Фестиваль задаёт высокую планку сорадования… Духовники и регенты должны говорить об этом чаще.

Теперь второй вопрос: обоснованно ли изъятие песнопений из литургической среды и помещение их в конкурсные условия? Применим аналогию. Мы знаем, например, что святитель Григорий Богослов обращал свои проповеди за богослужением к конкретным людям. Но когда эти проповеди издаются в виде книги, это ведь тоже определённое изъятие. Да,

не всякое изъятие уместно, но мы относимся к этому с пониманием, потому что вхождение в песнопение как в богословие – это процесс долгий и «многодверный».

Такое изъятие песнопения подобно тому, как хирург извлекает орган, но не для того, чтобы его выбросить, а чтобы что-то в нём исправить, что-то в него привнести и вернуть назад в организм. Это «миссионерское изъятие», выполненное не из праздного любопытства, а с целью обогащения и раскрытия новых, прежде неведомых граней.

– Тогда чисто технический вопрос: каковы критерии оценки выступлений?

– Приходится работать в двух измерениях: первое – оценочное, а второе, так сказать, впечатлительное. С одной стороны, ты оцениваешь как судья, с другой – как слушатель. При желании можешь представить себя одним из участников коллектива. Невозможно оценить произведение, занимая только судейскую позицию.

Очень важно уметь поставить себя на место и композитора, и исполнителя, и дирижёра, и слушателя, оставаясь при этом судьёй. Члены жюри оценивают выступления по такому количеству параметров, что для других они просто немыслимы. Умножьте это на внутренне настроение каждого члена жюри, и критериев получится ещё больше.

Одно дело – рубин, другое –алмаз, третье – сапфир. Вместе все драгоценные камни личностей судей образуют корону, которой затем владыка Артемий украшает фестиваль. Это прежде всего олицетворение соборного мнения, плодов совместного труда жюри. Это и архитяжёлый труд, и архивеликое наслаждение. Работа жюри может быть похожа на работу коллегии врачей, принимающих роды: одно за другим выступления извлекаются, взвешиваются, анализируются и приобщаются к радости о полноте Матери Церкви.

Наивысший критерий оценки, конечно же, духовность исполнения, но мы не можем избавиться и от очарования профессионализма. Подобно тому, как Иван-царевич идёт к подлинному сокровищу и пытается не поддаться чарам Бабы Яги, которая соблазняет его сундуками ложных сокровищ и лжекрасавицами, мы тоже стараемся дойти до главного сокровища – трудно оцениваемого сокровища духовности. Говоря о духовности, мы говорим о таинственности, а значит, не все покровы тайны должны быть сняты с человека. Как и с фестиваля *(улыбается)*.

Фестиваль задаёт высокую планку сорадования... Духовники и регенты должны говорить об этом чаще.

Журнал "Поколение"
Специальный выпуск

Издаётся по благословению
Высокопреосвященнейшего Артемия,
архиепископа Гродненского и Волковысского

Учредитель: Гродненская епархия Белорусской
Православной Церкви Московского Патриархата

Свидетельство о государственной регистрации
средства массовой информации № 1630
от 23. 05. 2013, выданное Министерством
информации Республики Беларусь

Адрес: Республика Беларусь,
230023, г. Гродно, ул. Ожешко, 23

Редакция благодарит за помощь в подготовке
спецвыпуска

Александра Шурского
Ольгу Агапонову
Антонину Дудко
Лилию Шмуратко
Николая Байду
Евгению Аллилуеву
Николая Емельянова
Олега Комара
Екатерину Яковчик

Журнал "Поколение" Спецвыпуск
Подписано в печать 15. 02. 2016.
Формат 60х90/8. Бумага мелованная.
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 7,50. Усл. изд. л. 12,60.
Тираж 500 экз. Заказ 804.

Гродненское областное унитарное полиграфическое
предприятие «Гродненская типография».
ЛП № 02330/0552745 от 25.02.2009.
Ул. Полиграфистов, 4, 230025, Гродно.

КОЛОЖСКИЙ БЛАГОВЕСТ XV
специальный выпуск журнала
«Поколение»